

Дыбовский Александр Сергеевич
Дальневосточный федеральный университет
г. Владивосток, Российская Федерация
dybovskii.as@dvfu.ru

Универсальные и специфические черты фразеологии японского языка

Аннотация

В этой статье, основываясь на исследованиях по японской и русской фразеологии, а также на материалах по истории японского языка и особенностях японской графики, мы ставим перед собой цель выявить универсальные и уникальные черты японской фразеологии, а также причины её уникальности. С помощью сопоставительного, функционально-семантического, этимологического и диахронического анализа было проанализировано несколько сотен исконно японских и около 500 протокитайских фразеологических композитов, отобранных из японских сетевых словарей и речевых корпусов. К материалу были применены три классификации: В. В. Виноградова, А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского, а также С. А. Быковой. В результате выявлено, что ядро японской фразеологии представлено единицами, логично умещающимися в классификации русских фразеологизмов. В то же время был обнаружен большой массив двух-, трёх-, четырёх- или пятикомпонентных протокитайских фразеологизмов. Другой уникальной чертой являются так называемые подставленные иероглифы (*атэдзи*) и иероглифические фразеологизмы. Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что сложность и многообразие японской фразеологии в первую очередь обусловлена многовековым сосуществованием в японском языке двух фразеологических систем – исконно японской и протокитайской. Их симбиоз в рамках единой языковой системы породил гибридные формы различной степени сложности. В последние столетия заимствования из европейских языков, в частности английского, стали активно вовлекаться в образование фразеологизмов, добавляя динамики и разнообразия в современную японскую фразеологию.

Ключевые слова: японская фразеология, классификация фразеологизмов, исконно японские фразеологизмы, протокитайские фразеологизмы, *атэдзи* и иероглифические фразеологизмы, симбиоз фразеологических подсистем

© Дыбовский А. С. 2025

Для цитирования: Дыбовский А. С. Универсальные и специфические черты фразеологии японского языка 2025. Вып. 11, № 3. С. 31–50. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-3-31>

Alexander S. Dybovsky
Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russian Federation
dybovskii.as@dvfu.ru

Universal and specific features of Japanese phraseology

Abstract

Based on scholarly research in both Japanese and Russian phraseological systems incorporating linguistic data from the history of the Japanese language and the patterns of its writing systems, this paper aims to identify both universal and unique features of Japanese phraseology focusing on the origin of this uniqueness. Comparative, functional-semantic, etymological and diachronic methods were used to analyze several hundred authentic Japanese and around 500 Sino-Japanese phraseological units selected from Japanese web dictionaries and speech

corpora. The material was processed using three classifications of V. V. Vinogradov, A. N. Baranov & D. O. Dobrovolskiy and S. A. Bykova. The results show that the nucleus of Japanese phraseology is represented by the units that logically fit into the existing classifications for the Russian phraseology. At the same time, a sizable layer of two-, three-, four- and five-character phraseological units was found. Another specific feature was the use of *ateji* and kanji-based idiomatic expressions. The findings suggest that the complexity and diversity of Japanese phraseology are primarily shaped by the centuries-long coexistence and interaction of two core subsystems: the native (Yamato) phraseological tradition and the Sino-Japanese (*kanbun*-derived) system. Their mutual influence within a unified linguistic framework has given rise to numerous hybrid formations exhibiting various levels of semantic and structural integration. In recent centuries, loanwords from European languages, particularly English, have become increasingly involved to build idiomatic patterns contributing to the dynamic, multi-layer nature of modern Japanese phraseology.

Keywords: Japanese phraseology, classification of phraseological units, authentic Japanese phraseological units, Sino-Japanese phraseological units, *ateji* and kanji-based idiomatic expressions, phraseological subsystems symbiosis

© Dybovsky A. S. 2025

For citation: Dybovsky, A. S. (2025). Universal'nye i spetsificheskie cherty frazeologii yaponskogo yazyka [Universal and specific features of Japanese phraseology]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 11 (3), 31–50. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-3-31>

1. Введение [Introduction]

Этот краткий очерк является продолжением многолетней исследовательской работы [Фролова, 1979; Быкова, 1985; Дыбовский, 2024 а, б; Дыбовский, 2025 а, б, в; Дыбовский, Щепетунина, 2025]. В настоящем исследовании фразеология понимается как уникальная часть системы языка, связанная с лексикой и грамматикой, и порождаемая «уникальными правилами» [Баранов, Добровольский, 2014, с. 43]. Фразеология – это не только органическая часть лексической и грамматической систем языка, но и важный фрагмент «языковой культуры» этноязыкового коллектива, связанный с особенностями этноязыковой картины мира и, соответственно, с менталитетом народа (см. [Баранов, Добровольский, 2014, с. 38], со ссылкой на [Телия, 1996]).

По всей вероятности, фразеология естественных языков относится к языковым универсалиям и существует во всех языках. Данная статья ставит целью описание общих контуров и специфических черт фразеологии японского языка. В работе использовались сопоставительный, функционально-семантический, этимологический, диахронический анализ. Источниками языкового материала послужили отечественные и зарубежные публикации, YouTube-видеоролики, сетевые словари: Jardic, БКРС, Weblio. Использовались также Сбалансированный корпус современной японской письменной речи [BCCWJ] и генеративный ИИ ChatGPT. Было проанализировано несколько сотен исконно японских, а также около 500 протокитайских фразеологических композитов (далее – ПФК)¹.

Мы будем исходить из того, что важнейшими свойствами фразеологизмов, или фразеологических единиц, (далее – ФЕ) являются идиоматичность и устойчивость [Баранов, Добровольский, 2014, с. 44–64]. Вслед за А. Н. Барановым и Д. О. Добровольским будем считать, что базовыми признаками идиоматичности ФЕ являются: 1) переинтерпретация исконного значения компонентов ФЕ, то есть наличие семантиче-

---

¹Протокитайскими фразеологическими композитами (протокитайскими фразеологизмами) мы будем называть фразеологизмы, заимствованные японцами из китайского языка в разные эпохи, а также фразеологизмы, созданные (и создаваемые) в Японии по китайским моделям.

ских сдвигов в значении хотя бы одного из компонентов ФЕ; 2) непрозрачность значения (правил его порождения, а также семантики компонентов ФЕ или грамматической формы ФЕ), соответственно невозможность выявления значения ФЕ по стандартным правилам взаимодействия лексики и грамматики; 3) усложнение способа указания на денотат ФЕ в результате метафоризации исходного выражения или его переносного употребления; «выражение является идиоматичным, если в нём обнаруживается один из перечисленных факторов или любая их комбинация» [Баранов, Добровольский, 2014, с. 44–45]. Средствами идиоматизации языкового выражения чаще всего являются «метонимический сдвиг или метафорическое переосмысление» исходного выражения [Там же, с. 44]. Важнейшими объектами фразеологии являются так называемые «идиомы» [Там же, с. 45]. Идиомы, как правило, уникальны по структурной организации и семантической сложности. Обладая целостностью значения и высокой устойчивостью, они входят в системные отношения со словарным составом языка. В следующих двух разделах этой статьи мы займёмся выяснением универсальных и специфических черт японской фразеологии.

2. Универсальные черты японской фразеологии [Universal features of Japanese phraseology]

Для выяснения сходства фразеологии японского языка с фразеологией, например, русского языка, обратимся к японской фразеологии с позиций фразеологических концепций [Виноградов, 2001, с. 27–33; Баранов, Добровольский, 2014]. Как известно, по степени идиоматичности В. В. Виноградов подразделяет ФЕ русского языка на 3 класса: 1) фразеологические сращения или идиомы; 2) фразеологические единства; 3) фразеологические сочетания. Данный подход применим и к описанию ФЕ японского языка. Как и русские фразеологизмы, ФЕ японского языка подразделяются на три класса по степени (уровню) идиоматичности.

1. Фразеологические сращения или «идиомы» – это наиболее целостные и сложные единицы японской фразеологии, обладающие высоким уровнем идиоматичности и устойчивости. Приведём примеры.

度肝を抜く *догимо о нуку* – букв. 'вышибить (вынуть) печень'; переносно: 'ошеломить', 'поразить до глубины души', 'выбить из колеи'; 'привести в сильнейшее замешательство или потрясение – от удивления, страха, шока'. Слово 度肝 (どぎも) – усиленная форма слова *печень* (肝), традиционно ассоциирующееся с мужеством и внутренней стойкостью.

虫の居所が悪い *муси но идогоро га варуй* – букв. 'местоположение насекомого плохое'; переносно: 'не в духе', 'в плохом настроении'. Этот фразеологизм часто используется для описания раздражённого, сварливого человека, который по незначительному поводу способен выйти из себя. Слово 虫 (むし) символически связано с чувствами и душевным состоянием человека. В народных верованиях японцев мизантропическое поведение человека интуитивно связывалось с «неправильно сидящим внутри телесным духом».

鬚太を張る *бинта о хару* – букв. 'залепить по виску'; простореч. 'дать пощёчину', 'влепить оплеуху'. Это просторечное выражение используется в повседневной речи с грубоватым или ироничным оттенком. Изначально восходит к термину театра *кабуки* 鬚太 (びんた) – 'густые накладные волосы на висках актёров'. Отсюда второе, более архаичное значение: 'выставить скулы', 'принять вызывающий, агрессивный вид'.

胡坐をかく *агура о каку* – букв. 'сидеть по-турецки'; переносно: 'расслабиться', 'почивать на лаврах'; 'вести себя самодовольно'. Изначально выражение обозначает традиционную позу сидения со скрещёнными ногами (по-турецки), характерную для муж-

чин в Японии. В переносном значении выражение употребляется в значении вести себя самодовольно, бездействовать, уверенно опираться на уже достигнутое, не прилагая новых усилий. Нередко несёт негативный или критический оттенок, указывая на излишнюю самоуверенность или пассивность описываемой личности. В современном японском языке выражение часто используется, когда кто-то отвлекается от дела, ленится, имитируя деловую активность.

油を売る *абура о уру* – букв. 'продавать масло'; переносно: 'бездельничать', 'тянуть время', 'праздно болтать'; 'заниматься пустой болтовнёй, отвлекаясь от работы', 'терять время впустую'. Фразеологизм возник в эпоху Эдо, когда торговцы косметическим маслом (особенно – для причёсок и макияжа) были известны тем, что вели долгие разговоры с покупательницами, «продавая» не только масло, но и внимание. Описываемая ФЕ приобрела иронично-пренебрежительный оттенок.

猫をかぶる *нэко о кабуру* – букв. 'надеть кошку'; переносно: 'прикидываться тише воды, ниже травы', 'строить из себя пай-мальчика/девочку'. Фразеологизм означает, что человек прикидывается кротким и безобидным, скрывая свой настоящий характер. Обычно используется по отношению к людям, которые в новых обстоятельствах сначала ведут себя «идеально», но затем показывают истинное лицо.

虫がつく *муси га цуку* – букв. 'приклеивается насекомое'; переносно: 'пристаёт ухажёр'; 'появляется навязчивый поклонник'. Устойчивое выражение из разговорной речи, означающее, что к девушке или женщине начинает проявлять интерес мужчина, обычно нежелательно или навязчиво. Слово 虫 (*むし*), часто ассоциирующееся с «червячками» в животе, внутренними ощущениями, в данном случае символизирует навязчивое существо, «приставшее» к человеку. Для ФЕ характерны иронично-негативные коннотации, нередко с оттенком заботливого беспокойства.

水に流す *мидзу ни нагасу* – букв. 'спустить с водой'; переносно: 'забыть, выкинуть из памяти', 'распрощаться с прошлым'. Идиома отражает философию примирения и прощения, имплицитно стремясь человека отпустить прошлое, забыть обиду или ссору, чтобы начать отношения с чистого листа. Вода в японской культуре в соответствии с буддийскими и индуистскими традициями часто связана с очищением и обновлением.

腹をくくる *хара о куккуру* – букв. 'перевязать живот'; переносно: 'решиться, собраться духом', 'принять твёрдое решение'. Идиома имеет древние корни, отражает решимость и готовность индивидуума стойко встретить трудности. В историческом контексте отсылает к образу самурая, готовящегося к смерти (например, при помощи *харакири*); в современном языке означает готовность действовать решительно и безоглядно, несмотря на страх или сомнения.

Говоря о японских идиомах, необходимо отметить, что в них встречается немало китаизмов, органично использовавшихся японцами на протяжении многих столетий. Как и в русском языке, некоторые лексемы архаичны и практически не употребляются вне соответствующих ФЕ, например: 鬚太 *бинта* – арх. 'густые накладные виски актёров', 胡坐 *агура* – 'поза человека со скрещёнными по-турецки ногами', 度肝 *догимо* – 'самая печень'. Таким образом, и в системе исконно японских фразеологизмов обнаруживается некоторое количество китаизмов.

2. Фразеологические единства – это ФЕ с более прозрачной семантической структурой, меньшим уровнем структурного единства, чем идиомы. Для них характерны средний уровень идиоматичности, метафоризация значения исходного выражения и/или его метонимические сдвиги, например: 鼻が高い *хана га такай* – букв. 'нос высокий' → 'заносчивый, высокомерный'; 耳が痛い *мими га итай* букв. 'уши болят' → 'невыносимо слушать'; 口が堅い *кути га каттай* – букв. 'рот твёрдый' → '(некто) способен держать язык за зубами', '(некто) не болтлив'. Приведём ещё несколько примеров.

手を抜く *тэ о нуку* – букв. 'вынуть руку'; переносно: 'халтурить', 'делать что-то, спустя рукава'. Выражение указывает на выполнение каких-то действий небрежно, без должного старания и тщательности. Часто используется в профессиональном, учебном и бытовом контекстах.

首を突っ込む *куби о цуккому* – букв. 'засунуть шею'; переносно: 'вмешиваться', 'совать нос', 'лезть не в своё дело'. ФЕ описывает ситуацию, когда некто навязчиво вмешивается в чужие дела.

足を引っ張る *аси о хиппару* – букв. 'тянуть ногу'; переносно: 'ставить палки в колёса', 'мешать', 'тормозить'. ФЕ обозначает ситуацию, когда кто-то мешает прогрессу другого, сознательно или неосознанно тормозит дело, тянет назад. Часто используется в деловых или спортивных контекстах.

腰が低い *коси га хикуй* – букв. 'поясница низкая'; переносно: 'скромный', 'почтительный', 'без заносчивости'. Выражение характеризует человека как скромного и вежливого в общении. Буквальный образ связан с традиционной японской вежливой осанкой – склонённым корпусом и низким поклоном. Ср. антоним – 腰が高い *коси га такай* 'высокомерный'.

肩を持つ *ката о моцу* – букв. 'держат плечо'; переносно: 'встать на чью-то сторону', 'поддерживать кого-то'. Фразеологизм означает, что некто принимает сторону другого лица в споре, конфликте или дискуссии. ФЕ воспроизводит образ стоящих плечом к плечу единомышленников. Используется как в бытовых, так и деловых ситуациях.

Как видим, фразеологические единства японского языка представляют собой большой массив разговорных метафоричных выражений, в которых широко используются названия частей тела человека.

3. Фразеологические сочетания. В ФЕ этого типа сдвиги значения обычно наблюдаются только у одного из компонентов; характерен ещё более низкий уровень идиоматичности и структурно-семантического единства, возможна вариативность компонентов ФЕ, например: 喜びを浮かべる *ёрокиби о укабэру* 'проявлять радость'; 涙を浮かべる *намида о укабэру* 'наполниться слезами (о глазах)'; 微笑み (微笑) を浮かべる *хохоэми (бисё:) о укабэру* 'показать лёгкую улыбку'; 意見を立てる *икэн о татэру* 'высказать мнение'; 計画 (案) を立てる *кэйкакү (ан) о татэру* 'представить план (проект)'; タバコ (シガレット) を吸う *табако (сигарэтто) о суу* 'курить табак (сигарету)'.

Итак, трёхступенчатая классификация ФЕ В. В. Виноградова, будучи универсальной с точки зрения логики, вполне пригодна для описания основного ядра исконно японских фразеологизмов современного японского языка (ср. применение системы В. В. Виноградова для описания фразеологии китайского языка [Ветров 2007, с. 62]).

Теперь попробуем применить для описания японских ФЕ систему, разработанную А. Н. Барановым и Д. О. Добровольским. Она была выработана преимущественно на материале европейских языков. Авторы выделяют семь основных классов фразеологизмов русского языка [Баранов, Добровольский, 2014, с. 67–96]. Попробуем для каждого вида ФЕ найти аналоги в японском языке.

1. Идиомы. Идиомы в вышеназванной работе – более широкая категория, чем идиомы В. В. Виноградова. Кроме фразеологических сращений и, по крайней мере, части фразеологических единств здесь обнаруживается большое разнообразие ФЕ высокой степени идиоматичности и экспрессивности. Идиомы японского языка – это семантически непрозрачные речевые формулы, представляющие собой компактные и яркие речевые сентенции, закрепившиеся в японском этноязыковом коллективе в качестве характеристик ряда специфических ситуаций; идиомы-комментарии, экспрессивно поясняющие суть чьих-то действий; идиомы-перформативы, призванные детерминиро-

вать поведение собеседника; наконец, терминологические идиомы, в которых идиоматические сдвиги значения происходят при образовании (создании) терминов.

1. Идиоматические речевые формулы представляют собой экспрессивные ФЕ, предназначенные для компактного и образного описания некоторых типовых ситуаций, например: 猫も杓子も букв. 'и кошка, и суповой черпак' → 'все подряд'; 'кто угодно'; ピンからキリまで *пин кара кири мадэ* – букв. 'от булавки до (христианского) креста'; переносно: 'от лучшего до худшего', 'всё подряд – и хорошее, и плохое'. Приведём другие примеры ФЕ этого типа.

泣きっ面に蜂 *накицура ни хати* – букв. 'пчела на плачущее лицо'; переносно: 'пришла беда – отворяй ворота'. Идиома используется для описания ситуаций, когда несчастья сыплются одно за другим.

だらしがない *дараси га най* – букв. 'нет опрятности' → 'неряшливый', 'разболтанный', 'слабовольный', 'неорганизованный'. Обычно используется для характеристики человека с негативной стороны – как в отношении внешнего вида (неопрятный, неухоженный), так и поведения (безответственный, слабый, расхлябанный).

一筋縄で行かない *хитосудзи-нава дэ иканай* – букв. 'не пойдёт одной верёвкой'; переносно: 'не так-то просто справиться', 'дело не из лёгких', 'не поддаётся обычным методам'. ФЕ используется для указания на сложную задачу, с которой невозможно справиться обычными средствами.

猫の額 *нэко но хитай* – букв. 'кошачий лоб'; переносно: 'очень маленькое пространство', 'ограниченное место'. Обычно используется для описания маленького участка земли, узкой квартиры, тесного сада и т. п.

雲をつかむよう *кумо о цукаму ё*: – букв. 'словно ловить облака'; переносно: 'неуловимо', 'расплывчато', 'без конкретики'.

2. Идиомы - комментари и обычно используются для яркого и наглядного пояснения сути поведения людей. Совершаемые кем-то действия характеризуются метафорически при помощи экспрессивных речевых клише, выработанных практикой общения японского этноязыкового коллектива. Приведём примеры.

馬の耳に念仏 *ума но мими ни нэмбуцу* – букв. 'буддийская молитва в уши лошади'; переносно: 'как об стенку горох', 'всё впустую', 'не доходит до сознания'. ФЕ характерна для ситуаций, когда нечто важное, разумное и поучительное обращено к тому, кто не способен это понять или просто не желает слушать.

二階から目薬 *никай кара мэгусури* – букв. 'капать глазные капли со второго этажа'; переносно: 'неэффективно', 'непрактично', 'через пень-колоду'. Фразеологизм означает попытку достичь чего-либо нелепым, неэффективным способом.

猫に小判 *нэко ни кобан* – букв. 'золотая монета кошке'; переносно: 'метать бисер перед свиньёй'. Фразеологизм означает передачу чего-то ценного тому, кто не может это оценить. Образ строится на бесполезности дарения кошке ценного предмета.

焼け石に水 *якэ-иси ни мидзу* – букв. 'вода на раскалённый камень'; переносно: 'капля в море', 'бесполезно, бессмысленно', 'не даёт результата'. ФЕ указывает на недостаточное или бессмысленное усилие, попытку решить проблему явно неэффективным способом.

3. Идиомы - перформативы призваны детерминировать действия собеседника, оказать влияние на его поведение. Приведём примеры.

お大事に *одайдзи ни* – букв. 'Пусть будет это важно для вас'; переносно: 'Берегите себя', 'Поправляйтесь', 'Желаю скорейшего выздоровления'. Это краткая и «тёплая» формула, часто используется в повседневной речи и письмах как выражение заботы.

ご自愛なさいますように *годзай насаймасу ё:ни* – букв. 'Да возлюбите себя'; переносно: 'Берегите себя', 'Желаю вам здоровья'. Эта вежливая формула, часто исполь-

зуется в конце письма в официальной и частной переписке как проявление заботы о собеседнике.

何卒よろしく願いたします *Нани то дзо ёросику онэгаи итасимасу* – 'Всецело прошу вашего благосклонного отношения'; 'Настоятельно прошу, буду весьма признателен'. Стандартная вежливая формула в деловой переписке, официальной риторике, используемая для выражения просьбы и благодарности за будущую поддержку.

ご無理なさらないでください *Гомури насаранай дэ кудасай* – 'Пожалуйста, не переутомляйтесь'; 'Не перенапрягайтесь', 'Не переусердствуйте'. Мягкое предупреждение или заботливый совет собеседнику не переутомляться и избегать чрезмерных усилий.

お体にお気をつけて *Окарада ни оки о цукэтэ* – букв. 'Обратите внимание на ваше тело' → 'Желаю вам здоровья', 'Берегите себя'. Формула вежливой заботы, часто используется в устной и письменной речи, в момент расставания перед длительной разлукой. ФЕ имплицитно выражает эмпатичное, уважительное пожелание здоровья.

4. Идиомы-термины – это такие ФЕ, в которых идиоматические сдвиги значения имеют место при создании терминологии. Приведём примеры.

根回し *нэмаваси* – букв. 'обкапывание корней'; в переносном значении 'неформальная предварительная договорённость' или 'подготовка почвы' перед официальным решением вопроса. Широко используется в политике и бизнесе.

一枚岩 *итимай-ива* – букв. 'единая каменная плита'; в переносном значении 'монолит', 'единый фронт', часто в контексте партийной политики или групповой солидарности.

鶴の一声 *цуру но хитокозэ* – букв. 'один крик журавля'; в переносном значении 'решающее слово авторитетной фигуры'. Представляет собой политико-административную идиому.

浮世絵 *укиё-э* – букв. 'картинки брэнного мира'. Это термин для обозначения гравюр эпохи Эдо, отображающих повседневную жизнь, развлечения, жизнь куртизанок и актёров. Название отражает буддийскую идею брэнности существования.

花道 *ханамити* – букв. 'дорога цветов'. Подиум в театре кабуки. Изначально – путь актёра к славе.

枕詞 *макуракотоба* – букв. 'подушка-слово'. Термин из поэзии *вака*, обозначающий слово, предваряющее ключевое место стиха и создающее поэтический ритм и аллюзии.

手取り *тэдори* – букв. 'то, что попадает в руки'; переносно: 'чистая зарплата после вычета налогов'. Используется как экономический термин.

青天井 *аотэндзё* – букв. 'синий потолок'; переносно: 'неограниченный рост цен, зарплат, акций'. Это биржевой термин, означающий отсутствие верхнего предела.

Некоторые политические и экономические термины создаются в результате метонимического использования географических названий. Приведём примеры.

霞が関 *Касуми-га-сэки* – букв. 'Туманная застава'; переносно: 'японская бюрократия', 'государственный аппарат'. Метонимически используется название района в Токио, где сосредоточены основные министерства и ведомства.

永田町 *Нагата-мэ:* – букв. 'Район рисовых полей'; переносно: 'японский парламент и правящая элита'. Термин используется как обозначение законодательной власти и политического истеблишмента, т. к. в районе Нагата находится парламент и офисы политических партий.

兜町 *Кабуто-мэ:* – букв. 'Шлем-город'; переносно: 'Токийская фондовая биржа / финансовый сектор'. Название района, где находится Токийская фондовая биржа, метонимически используется для обозначения финансового мира Японии.

桜田門 *Сакурада-мон* – букв. 'Ворота Сакурада'; переносно: 'Токийская префектуральная полиция', т. к. в районе Сакурадамон расположена штаб-квартира Токийской префектуральной полиции.

Идиом-терминов немало среди историзмов. Приведём примеры.

攘夷 *дзэ:и* – букв. 'изгнание варваров'. Термин связан с выражением феодальной ксенофобии. Использовался как культурно-политический архетип противостояния «внешнему давлению».

腹切り *харакири* (切腹 *сэнпуку*) – букв. 'вспарывание живота'; переносно: ритуальное самоубийство самурая, совершаемое во имя сохранения чести или в знак раскаяния.

幕府 *бакуфу* – букв. 'штаб, полевой лагерь'; переносно: 'военное правительство сёгунов' (1192–1867) как централизованная форма власти в феодальной Японии.

Идиомы-термины с метафорической внутренней формой встречаются в названиях растений, например: 朝顔 *асагао* – букв. 'утреннее лицо'; бот. 'вьюнок, ипомея'; 紫陽花 *адзисай* – букв. 'фиолетового солнца цветы'; бот. 'гортензия'.

Как видим, идиомы-термины – это большой и разнообразный пласт лексической системы японского языка. Метафорическая образность обнаруживается в сложных исконно японских и протокитайских лексемах.

II. Коллокации. Эта категория ФЕ в рассматриваемой концепции, в общем, совпадает с фразеологическими сочетаниями В. В. Виноградова. У А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского для этой категории ФЕ введены понятия «база», то есть компонент ФЕ, используемый в прямом значении, и «коллокатор», то есть компонент ФЕ, в семантике которого происходят семантические сдвиги, например: 喜びを浮かべる *ёрокиби о укабэру* 'проявлять радость' (喜び – база; 浮かべる – коллокатор); 意見を立てる *икэн о татэру* 'высказать мнение' (意見 – база; 立てる – коллокатор).

III. Пословицы. Строго говоря, пословицы, принципиально отличаются от лексических ресурсов языка, в систему которых входит и основное ядро ФЕ, однако и японские пословицы становятся объектом фразеологии [Фролова, 1979, с. 78–85], поскольку в них обнаруживаются сложные трансформации значений, в том числе и признаки идиоматизации. Кроме того, с ФЕ пословицы сближают устойчивость употребления и воспроизведения в готовом виде в коммуникации, наличие прямых и переносных значений, а также связь с эмоциональностью и экспрессивностью речи. Непрозрачность значений японских пословиц часто связана с архаичностью их лексики и грамматики. Сложность метафоризации значений японских пословиц может быть различной – от единиц, близких к идиомам, до семантически прозрачных, например:

背に腹はかえられぬ *Сэ ни хара ва каэрарэну* – букв. 'Спину животом не заменишь' → 'Обстоятельства сильнее нас'; 'Плечью обуха не перешибёшь!';

石の上にも三年 *Иси но уэ ни мо саннэн* – букв. 'И на камне три года' → 'Терпение и труд всё перетрут';

青は藍より出て藍より青し *Ао ва ай ёри идэтэ, ай ёри ао си* – букв. 'Синий цвет происходит из индиго, но становится более синим, чем сам индиго' → 'Ученик превосходит своего учителя' / 'Последователи могут превзойти своих наставников';

満は損を招き謙は益を受く *Ман ва сон о манэки, кэн ва эки о уку* – букв. 'Высокомерие влечёт убыток, скромность приносит выгоду' → 'Гордыня до добра не доведёт, а скромность вознаграждается';

魚心あれば水心 *Сакана-гокоро арэба мидзу-гокоро* – букв. 'Если у рыбы есть сердце, то и у воды найдётся' → 'Как аукнется, так и откликнется', 'Добро за добро';

井の中の蛙、大海を知らず *И но нака но кавадзу тайкай о сирадзу* – букв. 'Лягушка на дне колодца не знает океана' → 'Ограниченный человек не знает широты мира'; 'Человек с узким кругозором не представляет, каков настоящий мир';

蛙の子は蛙 букв. 'Дети лягушки – лягушки' → 'Яблоко от яблони недалеко падает'.

В любом случае переносное значение всего выражения может далеко уходить от буквального лексического значения структурных компонентов пословицы.

IV. Грамматические фразеологизмы. Единицы, аналогичные грамматическим фразеологизмам в концепции А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского, в отечественном японоведении принято называть устойчивыми грамматическими конструкциями (далее – УГК). Описывая УГК современного японского языка, Д. А. Карпека пишет: «...при своей формальной членимости на составные элементы, УГК в то же время составляют нечто целое, обладающее единым значением»; при этом «элементы УГК ... теряют своё исходное лексическое значение», и «...одним из признаков УГК является их грамматикализация, связанная с десемантизацией компонентов»; «ещё одной ключевой характеристикой УГК является стабильность (невозможность выпадения её составных частей)» [Карпека, 2018, с. 13].

Таким образом, УГК обладают свойствами структурной устойчивости, целостности значения и формальной членимости на компоненты; в процессе их грамматикализации, лексемы, входящие в состав УГК, семантически опустошаются и подчиняются грамматической функции УГК (как правило, это выражение различных модальных значений). Д. А. Карпека приводит более 200 УГК современного японского языка [Карпека, 2018, с. 13–189]. Рассмотрим примеры.

あの話は真実かも知れない *Ано ханаси ва синдзицу камо сирэнай* – 'Эта история может быть правдой' [Карпека, 2018, с. 43].

そんなに急がなくてもいい。間に合いつこないから *Сонна ни исоганакутэ мой. Ма ни аикконай кара* – 'Можно особенно не спешить, всё равно никак не успеем' [Карпека, 2018, с. 56].

УГК первого примера *かも知れない* (в составе которой вопросительная частица КА, релативная частица МО и отрицательная форма потенциализа от глагола СИ-РУ 'знать') представляет собой синтаксическую единицу, являющуюся частью именного сказуемого, опорным словом которого является существительное *真実* 'реальность', 'правда', в котором УГК имплицитно проблематичную модальность: говорящий не уверен в реальности сообщаемого. Во втором примере УГК (состоящее из соединительной формы глаголов и прилагательных на -ТЭ, релативной частицы МО и прилагательного ИЙ 'хороший' в предикативно-заклучительной форме) является частью составного глагольного сказуемого, опорным словом которого является глагол ИСОГУ 'спешить', представленный в отрицательной форме ИСОГАНАЙ 'не спешу, не спешишь, не спешит'. УГК передаёт значение необязательности совершения действия.

Как видим, и в японском языке присутствуют единицы, аналогичные грамматическим фразеологизмам А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского, однако о них целесообразно говорить в описании японской грамматики, что и делается в отечественной японистике, начиная с [Головнин, 1959; Головнин, 1963]. И, если в первых работах по японской фразеологии японских авторов среди ФЕ японского языка обнаруживаются не только единицы с УГК типа *熱くてたまらない* *ацукутэ тамаранай* – 'невыносимо жарко', 'так жарко, что невозможно терпеть', но и гоноративные конструкции типа *お話しになる* *оханаси ни нару* – 'Изволит говорить', форма почтительной речи от глагола ханасу 'говорить' [Сираиси, 1950, с. 26, с. 15]², то в новейших исследовательских работах объектом исследования становится основное ядро исконно японских фразеологизмов [Исида, 2015].

V. Фразеологизмы-конструкции. В современном японском языке имеется некоторое количество рамочных конструкций, в которых создаются уникальные значения, и

---

² Даже в более продвинутой в теоретическом плане версии этого текста Д. Сираиси примеры с УГК ...*てたまらない* в списке ФЕ японского языка сохранились [Сираиси, 1961, с. 232]. В появившейся через пару десятилетий фундаментальной работе по японской фразеологии Миядзи Ютака УГК отсутствуют, из рассмотрения также сознательно исключаются крылатые слова, пословицы и поговорки, а также сложносоставные лексемы, в обилии представленные в работах Д. Сираиси [Миядзи, 1982].

составные элементы (этих конструкций) функционируют не в полном соответствии со своей стандартной реализацией. Приведём примеры двух фразеологических конструкций:

(1) МЭТТАНИ...НАЙ: こんな機会は滅多にあるものではない [BCCWJ] *Конна кикай ва мэтта ни ару моно дэ ва най* – 'Такая возможность возникает крайне редко'; 'Шанс, как этот, выпадает нечасто'.

(2) КАНАРАДЗУ СИМО ... НАЙ: 地元住民は一般的には、開発に対して必ずしも強い反対はしていなかった [BCCWJ] *Дзимото дзю:мин ва иппантэки ни ва, кайхацу ни тайситэ канарадзу симо цуёй хантай ва ситэ инакатта* – 'Местные жители в общем не проявляли явного сопротивления проекту развития'.

В первом примере наречная форма прилагательного 滅多に *мэтта ни* 'крайне редко, почти никогда' требует отрицательной формы глагола, которая компенсируется этой конструкцией: общий смысл фразы остаётся утвердительным, нечто всё же происходит, хотя и редко, например: *それからは滅多に会わなかった* [BCCWJ] *Сорэ кара ва мэтта ни аванакатта* – 'С тех самых пор встречались крайне редко'.

Во втором примере взаимодействие смыслов финальной отрицательной формы сказуемого и наречного выражения 必ずしも (必ず *канарадзу* 'непреренно'; しも – усилительно-выделительная частица, пришедшая из бунго) даёт значение необязательности происходящего, например: *人生は必ずしも公平じゃありません* [BCCWJ] *Дзинсэй ва канарадзу симо ко:хэй дзя аримасэн* – 'Жизнь не всегда бывает справедливой'; *波は必ずしも一定ではない* [BCCWJ] *Нами ва канарадзу симо иттэй дэ ва най* – 'Волны вовсе не обязательно одинаковы'.

К конструктивным фразеологизмам, вероятно, следует отнести и частотные клише деловой коммуникации с конструкцией N のほど (N – имя существительное, の – показатель атрибутивной связи, а ほど – существительное со значением 'мера, граница, степень'), например: *ご協力のほどよろしくお願ひします* *Гокё:рёку но ходо ёросику онэгаи симас* – букв. 'Прошу (оказать предельно возможную) степень (вашего) любезного сотрудничества'; переносно: 'Надеюсь на ваше всестороннее содействие' → формула вежливой просьбы, часто используемая в официальной речи. Это устойчивое выражение японского делового языка характерно для высокого стиля публичной риторики. Оно часто используется в официально-деловых устных публичных выступлениях и деловой переписке, например: *なにとぞご指導、ご鞭撻のほどお願ひ申し上げます* *Нани-то дзо госидо:, гобэнтацу но ходо онэгаи итасимас* – 'Как бы то ни было, надеюсь на вашу всестороннюю помощь и поддержку'.

Фразеологизмы-конструкции японского языка требуют более глубокого изучения.

VI. Ситуативные клише. К ситуативным клише в концепции А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского относятся выражения, связанные с ритуалами повседневного общения, то есть слова приветствия, прощания, благодарности, извинения. Такие выражения предназначены для смягчения взаимодействия людей в различных ситуациях общения. По их количеству и функциональной специализации японский язык существенно превосходит русский в соответствии с относительно большей степенью ритуальности речи, обусловленной длительным и основательным влиянием конфуцианской этики на японское общество [Дыбовский, 2024 а]. Приведём примеры.

お疲れ様 *Оцукарэ-сама* – букв. 'Ваша почтенная усталость'; переносно: 'Спасибо за вашу работу', 'Вы хорошо поработали, спасибо за труд'. Это выражение японского речевого этикета используется как формула благодарности за выполненную работу. Часто применяется после завершения какого-либо мероприятия или в конце рабочего дня – в адрес коллег, подчинённых, партнёров. Используется как в устной речи, так и в переписке.

恐れ入ります *Осорэ иримас* – букв. 'Вношу почтительный страх'; переносно: 'Прошу прощения', 'Благодарю вас', 'Извините за беспокойство'. Вежливая формула

японского речевого этикета, выражающая уважение, извинение или благодарность. Используется в деловой и официальной речи при обращении с просьбой, замечанием или извинением, особенно когда собеседнику причиняют неудобство.

失礼いたしました *Сицурэй итасимасита* – букв. 'Я проявил невежливость'; переносно: 'Извините за грубость', 'Простите за неудобство', 'Прошу прощения'. Вежливая формула извинения, употребляется в официальной и деловой речи при признании своей вины, неуместного действия или нарушения этикета.

ご無沙汰いたしました *Гобусата итасимасита* – букв. 'Я проявил длительное молчание'; переносно: 'Извините, что долго не писал и не выходил на связь'. Вежливая формула извинения, используемая при возобновлении общения после долгого перерыва. Часто встречается в письмах, телефонных разговорах и при личной встрече, особенно в официальной и полуофициальной обстановке.

ご迷惑をかけました *Гомэйваку о какэмасита* – букв. 'Причинил вам беспокойство'; переносно: 'Извините за причинённые неудобства', 'Прошу прощения за беспокойство'. Это одна из расхожих форм вежливого извинения.

よろしく願います *Ёросику онэгаи итасимас* – букв. 'Смирренно прошу вашего расположения'; переносно: 'Прошу вашего содействия', 'Надеюсь на вашу поддержку', 'Буду признателен за сотрудничество'. Одна из самых употребительных формул японской вежливости. Используется в начале взаимодействия, в письмах, деловых переговорах, при просьбах или при выражении надежды на дальнейшие хорошие отношения. Отражает уважительное и сдержанное отношение к собеседнику.

行ってまいります *Иттэ мауримас* – букв. 'Я пойду и (смирренно) вернусь'; переносно: 'До встречи', 'Я пошёл / поехал'. Формула используется при уходе из офиса или иного места, куда человек планирует вернуться, эксплицирует уважительное отношение к оставшимся. Это скромно-почтительная альтернатива обычному выражению из домашнего обихода 行ってきます *Иттэ кимас* – букв. 'Я пойду и вернусь'.

お世話になっております *Осэва ни наттэ оримасу* – букв. '(Я) становлюсь объектом (вашей) заботы'; переносно: 'Благодарю за поддержку', 'Признателен за ваше внимание / участие'. Устойчивая формула японского устного делового общения, переписки и телефонных разговоров. Часто используется в начале общения с деловыми партнёрами, клиентами и коллегами как знак благодарности за предыдущее или текущее сотрудничество.

申し訳ございません *Мо:сивакэ годзаймасэн* – букв. 'Нет слов, чтобы оправдаться'; переносно: 'Приношу глубочайшие извинения', 'Простите меня', 'Мне нечем себя оправдать'. Это одна из самых сильных формул извинения в японском языке. Используется при серьёзной вине или при официальном извинении, подчёркивает высокую степень раскаяния и уважения к собеседнику.

お待ちどう様 *Омати до:сама* – букв. 'Ваше почтенное ожидание'; переносно: 'Спасибо за ожидание', 'Извините, что заставил(а) ждать'. Часто используется в повседневной устной речи, например, когда кто-то не приходит вовремя на встречу.

Итак, идиоматичные выражения, связанные с ритуалами повседневного обихода и используемые в качестве речевых формул приветствия, прощания, благодарности, извинения, имеют широкое распространение в японском языке. Среди распространённых клише письменной речи уникальное место занимают так называемые сезонные приветствия, не характерные для русского языка.

VII. Крылатые слова. Как и в других культурах с высокоразвитой литературной традицией в японском языке существует большое обилие и разнообразие крылатых слов, пришедших из японской классической и современной литературы, китайской поэзии и философии, буддийских сутр, современной японской поп-культу-

ры, а также западных заимствований, связанных с обыденной жизнью, наукой и культурой. Приведём примеры.

1. Исконно японские крылатые слова

春はあけぼの *Хару ва акэбоно* – 'Весна – это рассвет' ← Из «Записок у изголовья» (『枕草子』) Сэй Сёнагон (966–1017?). Это знаменитый литературный зачин, задающий эстетику японской сезонной поэзии. В нём выражается восхищение ясным весенним утром.

名こそ惜しけれ *На косо осикэрэ* – 'Только имя жалко терять' ← Из «Повести о доме Тайра» (『平家物語』, появился не позднее начала 14 в.). Подчёркивается значение доброй славы и чести.

この世は露とおもへど… *Коно ё ва цую то оmozдо...* – 'Жизнь – как роса, и всё же...' ← Из хайку Кобаяси Исса (1763–1828). Традиционный буддийский мотив бренности бытия (無常).

生きねば *Икинэба* – 'Надо жить' ← Из фильма Хаяо Миядзаки «Ветер крепчает» (『風立ちぬ』, 2013). Простая и лаконичная фраза, выражающая волю к жизни, несмотря на страдания и утраты.

女は泣いて強くなる *Онна ва найтэ цуёку нару* – 'Женщина, плача, становится сильнее' (Хигути Итиё 樋口一葉, 1872–1896).

やさしさって、やわらかい強さなんだよね *Ясасиса ттэ, яваракай цуёса нан да ё нэ* – 'Да ведь доброта – это мягкая сила' (Ёсимото Банана 吉本ばなな, 1964–).

Строго говоря, крылатые слова, подобно пословицам, стоят вне пределов фразеологии, хотя и они могут обладать метафоричностью и различными видами непрозрачности значения.

2. Протокитайские крылатые слова, например: 温故知新 *он-ко-тисин* – букв. 'Обращаясь к прошлому, постигаешь новое' (Конфуций); 画竜点睛 *га-рё:-тэнсэй* – букв. 'нарисованному дракону дописываю глаз'; обр. 'последний штрих, последний взмах кисти' в том числе связанные с буддизмом: 諸行無常 *сёгё:-мудзё* – букв. 'всё преходяще / всё изменчиво' → ключевое понятие дзэнбуддизма, означающее непостоянство всех вещей и явлений; 一期一会 *итиго-итиэ* – букв. 'одна встреча – один раз' → выражение из искусства чайной церемонии (茶道), означающее, что каждая встреча уникальна и никогда не повторится.

3. Крылатые слова, пришедшие из европейских языков, например: 知識は力なり 'Знание – сила' (лат. *Scientia potentia est*); 時は金なり 'Время – деньги' (англ. *Time is money*); ハネムーン *ханэму:н* 'медовый месяц' (англ. *honeymoon*); 時間をつぶす *дзикан о цубусу* 'убивать время' (англ. *to kill time*); ダモクレスの剣 *Дамокурэсу но цуруги* (лат. *gladius Damoclis* → англ. *sword of Damocles*); 運命の歯車 *уммэй но хагурума* 'Зубчатое колесо судьбы' (калька с европейских философских и романтических образов: *wheels of fate / gear of destiny*) и другие. Последние примеры, корнями уходящие в античность, присутствуют во многих языках. Более фундаментальной для японского языка является оппозиция исконно японских и протокитайских крылатых слов, относящихся к типологически различным слоям лексики, но органично сосуществующих в системе японского языка.

Как было показано, в японском языке нашлись аналогии для всех видов фразеологизмов, описанных в книге А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского (2014), хотя границы фразеологии японского языка обычно понимаются более узко [Миядзи, 1982; Быкова, 1985; Исида 2015]. Даже при описанном предельно широком подходе к японской фразеологии обнаруживается ряд ФЕ, не характерных для европейских языков, которые остались вне нашего внимания. К ним мы и обратимся далее.

3. Уникальные черты японской фразеологии [Specific features of Japanese phraseology]

Большая сложность японской фразеологии по сравнению, например, с русской обнаруживается при сопоставлении классификации ФЕ в работах В. В. Виноградова [Виноградов, 2001, с. 27–33] и С. А. Быковой [Быкова, 1985, с. 15–29]. Три класса ФЕ В. В. Виноградова, дополняются у С. А. Быковой ещё тремя видами ФЕ, отражающими специфику японского языка [Быкова, 1985, с. 15–29]. В результате получается шесть специфических классов ФЕ:

1) фразеологические слияния: 人面獣心 *дзиммэн-дзю:син* – букв. 'человеческое лицо – звериное сердце'; обр. 'человек снаружи, зверь внутри' → о лицемерном, безжалостном человеке; 八方美人 *хатто: бидзин* – букв. 'на восемь сторон – красавица'; обр. 'лстец, угодник' → о неискреннем или слишком услужливом человеке, стремящемся сохранить хорошее лицо перед всеми;

2) фразеологические сращения: 人気のない *хитокэ но най* – букв. 'без признаков человеческого присутствия'; обр. 'безлюдный, покинутый' → употребляется для описания мест, где ощущается полное отсутствие человеческой жизни; だらしがない *дараси га най* – букв. 'нет порядка / нет собранности'; обр. 'неряшливый, расхлябанный, несобранный' → говорится о человеке, лишённом опрятности, самодисциплины или чувства ответственности; 汗みどろになる *асэ-мидоро ни нару* – букв. 'стать полностью потным'; обр. 'обливаться потом' → описывает состояние человека, покрытого потом от тяжёлой физической работы, жары или нервного напряжения;

3) фразеологические комплексы: ぴかぴか光る *пикапика хикару* – букв. 'сиять пика-пика'; обр. 'блестеть, сверкать' → описывает яркий, чистый блеск чего-либо; げっそり痩せる *гэссори яэру* – букв. 'исхудать гэссори'; обр. 'сильно похудеть' → описывает резкое и болезненное похудение, сопровождающееся утратой сил и энергии;

4) фразеологические единства: 肝を潰す *кимо о цубусу* – букв. 'раздавить печень'; обр. 'сильно испугаться, оцепенеть от ужаса' → выражает внезапный, парализующий страх или шок, когда человек настолько испуган; 念を押す *нэн о осу* – букв. 'нажать на мысль'; обр. 'настоятельно напоминать, удостоверяться, подчёркивать' → означает повторное уточнение или подтверждение с целью избежания недоразумений;

5) фразеологические объединения: 気がする *ки га суру* – букв. 'душа делается'; обр. 'кажется, чувствуется' → выражает субъективное предчувствие, интуитивное восприятие чего-либо; 音がする *ото га суру* – букв. 'звук делается'; обр. 'слышится (раздаётся) звук (чего-то)' → ФЕ используется при описании возникающих звуков или шума; 雨漏りがする *амамори га суру* – букв. 'делается протекание дождевой воды'; обр. 'протекает крыша' → используется при описании ситуации, когда дождевая вода просачивается через крышу или потолок; может употребляться метафорически для обозначения мелких, но существенных неисправностей в системе или организации;

6) фразеологические сочетания: 罪を犯す *цуми о окасу* – букв. 'совершить проступок'; обр. 'нарушать закон', 'грешить' → обозначает совершение преступления или морального нарушения; 涙を浮かべる *намида о укабэру* – букв. 'дать слезам появиться'; обр. 'на глазах выступают слёзы', 'прослезиться' → описывает состояние, когда у человека в глазах появляются слёзы от эмоций – грусти, радости или волнения; 意見を立てる *икин о татэру* – букв. 'воздвигать мнение'; обр. 'высказывать своё мнение', 'формулировать собственную точку зрения по какому-либо вопросу'.

В этой классификации³ второй, четвёртый и шестой классы ФЕ повторяют классификацию В. В. Виноградова, а в первый, третий и пятый помещаются ФЕ, выходят за пределы классификации В. В. Виноградова. Примечательно то, что на первом месте у С. А. Быковой стоят «фразеологические слияния», в нашей терминологии – протокитайские фразеологические композиты (ПФК, в японской лингвистике – 熟語). С. А. Быкова приводит примеры только четырёхкомпонентных (четырёхсимвольных) ПФК. Однако для современного японского языка актуальны по крайней мере четыре разряда ПФК: двух-, трёх-, четырёх- и пятикомпонентные (далее – П2ФК, П3ФК, П4ФК, П5ФК).

П2ФК представляют собой наиболее массивный и почти неисследованный класс ФЕ японского языка, например:

杞憂 *кию*: – 'напрасные опасения, беспочвенные страхи' 杞 *ки* – 'Царство Ци' (здесь аллюзия на древнюю китайскую легенду о человеке, которому казалось, что на него вот-вот обрушится небо), 憂 *ю*: – 'тревога, беспокойство'. Грамматически 杞 определение, 憂 – определяемое; отметим непродуктивность 杞 *ки*; ср. *баклуши*, *бирюльки*, *зги* русского языка.

放胆 *хо:тан* – 'смелость, решительность'; 放 *хо*: – 'отпускать, освобождать', 胆 *тан* – 'печень'; букв. 'отпустить печень', то есть 'дать волю своей храбрости'. Известно, что древние китайцы считали печень вместилищем храбрости. Грамматически 放 обозначает действие, 胆 – объект действия (прямое дополнение); подробнее см. [Дыбовский, Щепетунина, 2025].

П3ФК в японском языке много меньше, чем П2ФК. Они исчисляются, вероятно, несколькими сотнями ФЕ. Они представлены генетически гомогенными (состоят исключительно из протокитайских корней, например: 唐變木 *то:хэмбоку* – 'чужак, странный человек, упрямец'; букв. 'странное дерево из эпохи Тан'; 雪月花 *сэцугэцука* – 'снег, луна, цветы' → 'сезонная красота природы') и генетически негомогенными типами единиц. Для последних характерен симбиоз исконно японских и протокитайских основ и/или корней, например: 大御所 *о:госё* – 'почётный деятель', 'влиятельная личность' (大 *о*: – 'большой, важный', 御所 *госё* – 'императорский дворец'); 修羅場 *сюраба* – 'место битвы', 'кровавая сцена хаоса и борьбы'; 修羅 *сюра* – 'Асура' (в буддийской и индуистской мифологии – духи войны, вечно сражающиеся существа). Генетически негомогенные П3ФК системно смыкаются с трёхсимвольными исконно японскими сложными словами типа 日和見 *хиёрими* 'выжидательное поведение'; 色眼鏡 *иромэганэ* – 'предвзятый взгляд', 'субъективное восприятие'; букв. 'цветные очки' (ср. рус. розовые очки); подробнее см. [Дыбовский, 2024 б].

П4ФК исторически представляют собой максимы китайской мудрости и житейского опыта. С точки зрения структуры (внутреннего синтаксиса) для них характерны симметрия, параллелизм конструкций, гармония структуры и смысла; в них нередко наблюдается игра с синонимами и антонимами, числительными, различными типами иероглифов. Многие из них неразрывно связаны с историей и культурой Китая, например: 大器晩成 *дайки-бансэй* – букв. 'Большой сосуд долго делается' (обр. в знач. 'Большой талант созревает нескоро' (Лаоцзы); 虎視眈眈 *коси-тантан* – букв. 'Тигр смотрит жадным взором'; обр. 'Наблюдать с угрожающим взором подобно тигру, выбирающему момент для атаки'; 羞花閉月 *сю:ка-хэйгэцу* – букв. 'Смущаются цветы и прячется луна' (о невероятной красоте женщины); подробнее см. [Гуревич, 2011 ; Дыбовский, 2025 а, 2025 в ; Kugatsu].

Пятикомпонентные протокитайские фразеологические композиты (П5ФК) генетически связаны с китайской поэзией (漢詩 *канси* 'китайские стихи'), фрагменты кото-

³ В иллюстрациях классов ФЕ 1–6 были использованы примеры С. А. Быковой. Мы здесь не касаемся спорности критериев выделения указанных классов. На наш взгляд, выражения типа 肝を潰す, 念を押す и 気がする следует отнести к идиомам.

рой и в наши дни нередко используются в учебниках для школьников по изучению камбуна. Многие поэтические строки имеют переносное значение, например, фраза из стихотворения Юй Лянши, «Весенняя луна над горами» (春山夜月, Китай эпохи Тан, 7–10 вв.) 弄花香滿衣 *ро:ка-ко:манъи* – букв. 'Перебираю цветы, и одежда наполняется их запахом' приобрела следующее значение: 'Если находишься среди добрых людей, то и сам становишься лучше. Старайся окружать себя достойными людьми, пребывай в благотворном общении' [Kotonoha Web ; Kugatsu ; Дыбовский, 2025 б, с. 74–75].

Таким образом, важной чертой японской фразеологии является наличие большого массива двух-, трёх-, четырёх- или пятикомпонентных ПФК, имеющих большое значение для письменного японского языка и японского языкового сознания. ПФК тесно связаны с историей и культурой Китая, а также с китайской иероглифической графикой [Дыбовский, 2024 в].

4. Идеография «подставленных» иероглифов и иероглифические ФЕ [Ideographic representation of “substituted” kanji and kanji-based phraseological expressions]

Культура так называемых подставленных иероглифов (当て字 *атэдзи*) пришла в Японию из Китая, где иероглифы традиционно использовались для фонетической записи заимствованных слов, иноязычных имён собственных и географических названий. Иероглифы обычно выбирались по принципу фонетического сходства с фиксируемым словом, иногда учитывались и семантические аспекты. В Японии *атэдзи* стали первым средством записи японских текстов. Несколько столетий проб и ошибок грамотных людей (речь идёт о китайской грамоте) в области использования китайской графики для записи японских текстов (стихов, дневниковой литературы, а затем и художественных текстов) привели к появлению японских слоговых азбук, и, в конце концов, современной японской системы письма, интегрирующей китайские иероглифы и японские слоговые азбуки. Возникнув около полутора тысячелетий назад, культура «подставленных» иероглифов (*атэдзи*) существует и в наши дни. Строго говоря, современная техника *атэдзи* подразделяется на три вида: 1) использование иероглифов как «фонетической транскрипции», фиксирующей при помощи звуковой оболочки иероглифов звучание иностранных слов; 2) нестандартное (нередко произвольное и оригинальное) использование иероглифов для передачи различных нюансов смысла, например, для графической фиксации исконно японских или заимствованных слов обычно вне связи с их фонетическим обликом; 3) произвольные замены малоупотребимых (сложных для письма) иероглифов более простыми и употребимыми [Дыбовский, 2024 в, с. 129]. Рассмотрим подробнее первые два вида.

В эпоху Мэйдзи большое распространение имел первый вид *атэдзи*. Он активно использовался в процессе освоения японцами культуры Запада. Некоторые лексемы этого класса имеют отношение к П2ФК, например: 亜米利加合衆国 *Амэриика-гассю:коку* → 米 国 *бэйкоку* – 'Соединённые Штаты Америки, США, Америка'; 阿蘭陀 Оранда – Голландия (*португ.* Olanda; *иначе* 和蘭 *Оранда*) → 蘭 学 *рангагу* – ист. 'голландские штудии' (изучение западных наук по голландским источникам в период Эдо). Эти примеры показывают, почему в японском общественно-политическом дискурсе США называются «Рисовой страной» (米 国), а историзм *голландоведение* (蘭 学) становится *наукой о хризантемах* (蘭 学 *ран* – 'хризантема'; 学 'наука', 'изучение'). Дело в том, что фонетически использованные иероглифы не перестают быть идеографическими знаками. Например, слово Россия первоначально записывалось в средствах массовой коммуникации Японии как 魯 西 亜 *Рококу* → 魯 国 *Рококу* – 'Россия'. Однако, поскольку первый иероглиф (魯) мог иметь значение 'глупый' (魯 鈍 *родонна* – 'глупый, тупой,

бестолковый'), после ноты протеста посланника Российской империи проблемный иероглиф 露 был заменён газетными издательствами на 露 *ро* – 'роса', 'капелька': 露西 亜 *Росиа* → 露国 *Рококу* – 'Россия' (букв. 'Страна росы') [Аракава, 2017, с. 48].

Ко второй разновидности *атэджи* относятся всевозможные случаи нестандартного смыслового использования иероглифов для записи исконно японских и заимствованных слов. При этом создаётся дополнительный смысловой ряд, иллюстрирующий или даже интерпретирующий и модифицирующий значение соответствующей лексемы при помощи значений иероглифических знаков, например:

- たび 'носки' → 足袋 *таби* ('нога' + 'мешок');
- おつと 'муж' → 良人 *отто* / рё:дзин ('добрый' + 'человек');
- おかみ 'хозяйка' → 女将 *оками* / дзёсё: ('женщина' + 'адмирал');
- タバコ 'табак' → 煙草 *энсо*: ('дым' + 'трава');
- ビール 'пиво' → 麦酒 *бакусю* ('пшеница' + 'саке');
- ウオツカ 'водка' → 火酒 *касю* ('огонь' + 'саке').

В первых двух примерах представлены морфологически неделимые слова японского языка. Для их фиксации на письме используются пары иероглифов, не связанные с фонетическим обликом обозначаемых на письме слов, но представляющие содержание последних в значении иероглифов. Первый пример (足袋) даёт наиболее простую и наглядную интерпретацию значения исконно японского слова. Во втором примере (良人) иероглифическую графику можно прочесть по *онному* (протокитайскому) чтению (рё:дзин), однако при этом мы получим значение 'хороший человек', что не совпадает со значением исконного слова. В третьем примере (女将) исконное японское слово морфологически членимо: *о-ками* (*о* – префикс вежливости), однако структурные части не соотносятся со значением иероглифов по отдельности. В примерах 4–6 комбинациями подобранных по смыслу пар иероглифов не только воспроизводится звучание заимствованных слов, но также и графическая интерпретация и визуализация значений соответствующих западных заимствований.

Как видим, при помощи *атэджи* создаются устойчивые сочетания иероглифов, сигнификатами которых являются значения исконно японских, а также заимствованных из индоевропейских языков слов. Сочетания иероглифов, таким образом, приобретают целостное неделимое значение, соответствующее значению исконного японского слова, а возникшие сочетания иероглифов являют собой своеобразную попытку представления «внутренней формы» [Потебня 1989, с. 160] фиксируемых ими исконно японских слов. Внутренняя форма некоторых устойчивых сочетаний иероглифов, возникших как *атэджи*, может быть непроста семантически, и соответствующие устойчивые сочетания иероглифов, вероятно, могут быть названы **г р а ф и ч е с к и м и и д и о м а м и**, например:

- えび 'креветка' → 海老 *эби* ('море' + 'старый');
- すし 'суши' → 寿司 *суси* ('долголетие' + 'начальник', 'управлять');
- くらげ 'медуза' → 海月 *курагэ* ('море' + 'луна');
- つらら 'сосулька' → 氷柱 *цурара* ('лёд' + 'столб', 'колонна');
- さんま 'сайра' (лат. *cololabis saira*) → 秋刀魚 *самма* ('осень' + 'меч' + 'рыба');
- みかど 'император' → 御門 *микадо* ('почтенный' + 'ворота');
- コーヒー 'кофе' → 珈琲 *ко:хи*: (этимол. кит. 珈 *jiā* – 'украшение для волос' + 琲 *fèi* – 'жемчужные бусы').

Таким образом, в результате закрепления в письменном японском языке творческого (игрового или фонетического) использования иероглифической графики создаются устойчивые сочетания иероглифов (熟字 *дзюкудзи* 'иероглифические фразеологизмы'), которые становятся графическими маркерами соответствующих ис-

конно японских и заимствованных слов. При этом случаются семантические сдвиги, некоторые из которых близки к процессам идиоматизации лексики. Сочетание двух иероглифов даёт графическую интерпретацию целостного значения слова. Во всех примерах значения иероглифов дополняют значение фиксируемых ими японских слов, визуализируют значение исконно японских или заимствованных лексем средствами иероглифической графики. При этом в устойчивых сочетаниях иероглифов нередко фиксируются идеи, связанные с народной этимологией. Например, известно, что название японского блюда из сырой рыбы суши (寿司 *суши*) происходит из слова уксус (酢 *су* 'уксус'), который обычно добавляли в рис для суши. Современная же его графическая форма ('долголетие' + 'начальник', 'управлять'), вероятно, появилась тогда, когда эта пища из сырой рыбы стала праздничным деликатесом.

5. Заключение [Conclusion]

В этом кратком очерке мы показали, что японская фразеология обладает как универсальными, так и уникальными чертами. Последние связаны в первую очередь с длительным культурным взаимодействием Японии и Китая. В современном японском языке сосуществуют два больших и относительно независимых класса фразеологизмов. Это исконно японские и протокитайские фразеологизмы. Исконно японские ФЕ – это такие фразеологизмы, в основе которых лежат исконно японская грамматика и лексика слоя *ваго*, обычно понятная на слух вне иероглифической графики и составляющая основу устной коммуникации японцев. Протокитайские фразеологизмы неразрывно связаны с китайской иероглифической графикой, грамматикой *вэньня*, а также с китайской этикой, эстетикой, историей, всем миром китайской духовной культуры. В то же время ПФК являются неотъемлемой частью современной языковой культуры Японии, важным элементом культурного кода японского народа. Использование ПФК в различных стилях и жанрах письменной речи повышает её литературность, экспрессивность, наглядность и образность. В японском языке на протяжении многих столетий развивались и взаимодействовали две типологически различные фразеологические подсистемы – исконно японская и протокитайская. Их симбиоз в рамках единой языковой системы породил немало разнообразных гибридных форм ФЕ различной степени сложности.

Уникальной для японского языка является также идиоматизация протокитайской лексики, связанная с практикой «подставленных» иероглифов – *атэдзи*. В результате применения оригинальной иероглифической записи для графической фиксации некоторых исконно японских и заимствованных лексем возникли устойчивые сочетания иероглифов, представляющие собой идеографическую интерпретацию исходных исконно японских или заимствованных лексем. Изначально за этим языковым явлением, по всей вероятности, стояло стремление грамотного населения Японии к протокитайской элегантности языка. Китаизмы были стилистически выше, чем исконно японская лексика, поэтому у создателей письменной речи проявлялось стремление ввести исконно японскую лексику в систему иероглифической графики. В этом можно также увидеть языковое творчество японского народа, многие столетия жившего в мире пришедшей из Китая иероглифической языковой культуры. В последние примерно полтора столетия ситуация в области японской фразеологии осложняется большим массивом западных заимствований. Лексика из европейских языков, особенно английского, стала активно вовлекаться в процессы фразеологизации японского языка, ещё больше повышая многообразие и сложность японской фразеологии.

Библиографический список

- Баранов, Добровольский, 2014 – Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Основы фразеологии. Краткий курс : учеб. пособие. М. : Флинта, 2014. 308 с.
- Быкова, 1985 – Быкова С. А. Устойчивые словосочетания в современном японском языке. М. : Изд-во МГУ, 1985. 64 с.
- Ветров, 2007 – Ветров П. П. Фразеология современного китайского языка: Синтаксис и стилистика. М. : Восточная книга, 2007. 368 с.
- Виноградов, 2001 – Виноградов В. В. Русский язык: грамматическое учение о слове. 4-е изд. М. : Русский язык, 2001. 720 с.
- Головнин, 1959 – Головнин И. В. Лексико-синтаксическое выражение возможности-невозможности в современном японском языке (к вопросу о типах словосочетания глагола с модальными словами) // Японский лингвистический сборник. М. : Изд-во восточной литературы, 1959. С. 144–166.
- Головнин, 1963 – Головнин И. В. Лексико-синтаксический способ выражения долженствования в современном японском языке // Японский язык : сб. ст. М. : Восточная литература, 1963. С. 60–93.
- Гуревич, 2011 – Гуревич Т. М. Японско-русский учебный словарь ёдзидзюкуго. М. : Моногатари, 2011. 144 с.
- Дыбовский, 2025 а – Дыбовский А. С. Грамматика четырёхсимвольных протокитайских фразеологических композитов современного японского языка // Дальневосточный филологический журнал. 2025. Т. 3, № 2. С. 87–107.
- Дыбовский, 2025 б – Дыбовский А. С. Протокитайские фразеологические композиты современного японского языка (постановка проблемы) // Дальневосточный филологический журнал. 2025. Т. 3, № 2. С. 69–86.
- Дыбовский, 2025 в – Дыбовский А. С. Функционально-семантические классы четырёхсимвольных протокитайских фразеологизмов современного японского языка (ёдзидзюкуго: деление по частям речи) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2025. Вып. 11, № 2. С. 63–77.
- Дыбовский, 2024 а – Дыбовский А. С. Ритуал и игра. О некоторых особенностях речевой коммуникации в русском и японском этноязыковых коллективах (новая редакция) // Педагогика: история, перспективы. Т. 7, № 5–6. С. 103–126. <https://doi.org/10.17748/2686-9969-2024-7-5-6-103-126>
- Дыбовский, 2024 б – Дыбовский А. С. Трёхсимвольные фразеологизмы современного японского языка // Дальневосточный филологический журнал. 2024. Т. 2, № 4. С. 71–102.
- Дыбовский, 2024 в – Дыбовский А. С. Языковое планирование в Японии с середины XIX до начала XXI века // Известия Восточного института. № 3. С. 123–136.
- Дыбовский, Щепетунина, 2025 – Дыбовский А. С., Щепетунина М. В. Двухсимвольные фразеологизмы современного японского языка // Дальневосточный филологический журнал. Т. 3, № 1. С. 81–118.
- Карпека, 2018 – Карпека Д. А. Грамматика японского языка: в 3 т. Т. 3. СПб. : Восточный экспресс, 2018. 505 с.
- Потебня, 1989 – Потебня А. А. Мысль и язык // Потебня А. А. Слово и миф. М. : Правда, 1989. С. 17–200.
- Телия, 1996 – Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Языки русской культуры, 1996. 288 с.
- Фролова, 1979 – Фролова О. П. Фразеология современного японского языка. Новосибирск : НГУ, 1979. 87 с.
- Аракава, 2017 – 荒川清秀 (書評) 孫建軍著『近代日本語の起源——幕末明治初期につくられた新漢語——』日本語の研究 第13巻 第1号 2017. 1. 1 [Аракава Киёхидэ. Рецензия на: Сунь Цзяньцзюнь. «Происхождение современного японского языка – Новые кандзи, созданные в конце сёгуната и начале периода Мэйдзи» // Исследования по японскому языку. 2017. Т. 13, № 1. С. 43–49.].

- Исида, 2015 – 石田プリシラ 言語学から見た日本語と英語の慣用句 開拓社 東京 [Исида Прицила. Японские и английские идиомы с точки зрения лингвистики. Токио : Кайтакуся, 2015. 215 с.].
- BCCWJ – 現代日本語書き言葉均衡コーパス [Сбалансированный корпус современной японской письменной речи]. URL : <https://chunagon.ninjal.ac.jp/> (дата обращения : 25.07.2025).
- Kotonoha Web – KOTONOHA ウェブ言葉に関する雑学・便利帳 [Kotonoha : Веб-энциклопедия о словах и полезные заметки]. URL : <https://kotonohaweb.net/5kanjijyukugo/2/> (дата обращения : 28.08.2024).
- Kugatsu – 9月校長ブログ / 「弄花香满衣」 [Сентябрьский блог директора: «Перебираю цветы, и одежда наполняется их запахом»]. URL : <https://nittai-ebara.jp/7915.html> (дата обращения : 11.08.2024). (In Japanese.).
- Миядзи, 1982 – 宮地裕 慣用句の意味と用法 明治書院 東京 [Миядзи Ютака. Значение и употребление идиом. Токио : Мэйдзи сёин, 1982. 315 с.].
- Сираиси, 1950 – 白石大二 日本語のイデオム 三省堂出版〈国語双書〉 東京 [Сираиси Дайдзи. Идиомы японского языка. Токио : Сансэйдо, серия «Кокугососё», 1950. 131 с.].
- Сираиси, 1961 – 白石大二 日本語の発想 東京堂 東京 [Сираиси Дайдзи. Специфика мышления в японском языке. Токио : Токёдо, 1961. 239 с.].

References

- Baranov, A. N., & Dobrovolsky, D. O. (2014). *Osnovy frazeologii. Kratkiy kurs [Foundations of phraseology: A brief course]*. Moscow : Flinta Press. (In Russ.).
- Bykova, S. A. (1985). *Ustoychivye slovosochetaniya v sovremennom yaponskom yazyke [Set expressions in modern Japanese]*. Moscow : Moscow State University Press. (In Russ.).
- Vetrov, P. P. (2007). *Frazeologiya sovremennogo kitayskogo yazyka: Sintaksis i stilistika [Phraseology of modern Chinese: Syntax and stylistics]*. Moscow : Vostochnaya Kniga Press. (In Russ.).
- Vinogradov, V. V. (2001). *Russkiy yazyk: grammaticheskoe uchenie o slove [The Russian language: Grammatical theory of word. 4th edn]*. Moscow : Russkiy Yazyk Press. (In Russ.).
- Golovnin, I. V. (1959). Leksiko-sintaksicheskoe vyrazhenie vozmozhnosti-nevozmozhnosti v sovremennom yaponskom yazyke (k voprosu o tipakh slovosochetaniya glagola s modal'nymi slovami) [Lexico-syntactic expression of possibility and impossibility in modern Japanese (On the types of verb phrases with modal words)]. *Yaponskiy lingvisticheskiy sbornik [Japanese linguistic collection]* (pp. 144–166). Moscow : Vostochnaya literatura Press. (In Russ.).
- Golovnin, I. V. (1963). Leksiko-sintaksicheskii sposob vyrazheniya dolzhestvovaniya v sovremennom yaponskom yazyke [Lexico-syntactic means of expressing obligation in modern Japanese]. *Yaponskiy yazyk [The Japanese Language: Collection of Articles]: Research papers* (pp. 60–93). Moscow : Vostochnaya literatura Press. (In Russ.).
- Gurevich, T. M. (2011). *Yaponsko-russkiy uchebnyy slovar' edzidyukugo [Japanese-Russian Learner's Dictionary of Yojijukugo]*. Moscow : Monogatari Press. (In Russ.).
- Dybovsky, A. S. (2025 a). Grammatika chetyrekhsimvol'nykh protokitayskikh frazeologicheskikh kompozitov sovremennogo yaponskogo yazyka [The grammar of four-character proto-Chinese phraseological composites in modern Japanese]. *Dal'nevostochnyy filologicheskii zhurnal [Far Eastern Philological Journal]*, 3 (2), 87–107. (In Russ.).
- Dybovsky, A. S. (2025 b). Protokitayskie frazeologicheskie kompozity sovremennogo yaponskogo yazyka (postanovka problemy) [Proto-Chinese phraseological compounds in modern Japanese (Problem statement)]. *Dal'nevostochnyy filologicheskii zhurnal [Far Eastern Philological Journal]*, 3 (2), 69–86. (In Russ.).
- Dybovskiy, A. S. (2025 v). Funktsional'no-semanticheskie klassy chetyrekhsimvol'nykh protokitayskikh frazeologizmov sovremennogo yaponskogo yazyka (edzidyukugo: delenie po chastyam rechi) [Functional-semantic classes of four-character Proto-Chinese phraseological units in contemporary Japanese (Yojijukugo: Parts-of-speech division)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 11 (2), 63–77. (In Russ.).

- Dybovsky, A. S. (2024 a). Ritual i igra. O nekotorykh osobennostyakh rechevoy kommunikatsii v russkom i yaponskom etnoyazykovykh kollektivakh (novaya redaktsiya) [Ritual and play: On certain features of verbal communication in Russian and Japanese ethnolinguistic communities (Revised edition)]. *Pedagogika: istoriya, perspektivy* [Pedagogy: History, Perspectives], 7 (5–6), 103–126. <https://doi.org/10.17748/2686-9969-2024-7-5-6-103-126> (In Russ.).
- Dybovsky, A. S. (2024 b). Trekhsimvol'nye frazeologizmy sovremennogo yaponskogo yazyka [Three-character idioms in contemporary Japanese]. *Dal'nevostochnyy filologicheskiy zhurnal* [Far Eastern Philological Journal], 2 (4), 71–102. (In Russ.).
- Dybovsky, A. S. (2024 v). Yazykovoe planirovanie v Yaponii s serediny XIX do nachala XXI veka [Language planning in Japan from the mid-19th to the early 21st century]. *Izvestiya Vostochnogo instituta* [Izvestia of the Oriental Institute], 3, 123–136. (In Russ.).
- Dybovsky, A. S., & Shchepetunina, M. V. (2025). Dvukhsimvol'nye frazeologizmy sovremennogo yaponskogo yazyka [Two-character phraseological compounds in Modern Japanese]. *Dal'nevostochnyy filologicheskiy zhurnal* [Far Eastern Philological Journal], 3 (1), 81–118. (In Russ.).
- Karpeka, D. A. (2018). *Grammatika yaponskogo yazyka* [Grammar of the Japanese Language]. In 3 volumes. Vol. 3. St Petersburg : Vostochny Express Press. (In Russ.).
- Potebnya, A. A. (1989). *Mysl' i yazyk* [Thought and language]. In A. A. Potebnya, Slovo i mif [Word and myth] (pp. 17–200). Moscow : Pravda Press. (In Russ.).
- Telia, V. N. (1996). *Russkaya frazeologiya. Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty* [Russian Phraseology: Semantic, Pragmatic and Linguocultural Aspects]. Moscow : Yazyki russkoi kul'tury Press. (In Russ.).
- Frolova, O. P. (1979). *Frazeologiya sovremennogo yaponskogo yazyka* [Phraseology of Modern Japanese]. Novosibirsk : NSU Press. (In Russ. and Japanese).
- Arakawa, K. (2017). Son Ken-gun-cho “kindai nihongo no kigen — bakumatsu Meiji shoki ni tsukura reta shin kango —” [Book Review: Sun Jianjun. The origins of modern Japanese language: New kanji created at the end of the Tokugawa Shogunate and early Meiji period]. *Nihongo no kenkyū dai* [Studies in Japanese Language], 13 (1), 43–49. (In Japanese).
- Ishida, P. A. (2015). Gengogaku kara mita Nihongo to Eigo no Kan'yōku [Japanese and English Idioms from a Linguistic Perspective]. Tokyo: Kaitakusha. (In Japanese).
- Gendai Nihongo Kakikotoba Kinkō Kōpasu [Balanced Corpus of Contemporary Written Japanese]. (n. d.). Retrieved July 25, 2025 from <<https://chunagon.ninjal.ac.jp/>>. (In Japanese).
- Kotonoha Web. (n. d.). *U~ebu kotoba ni kansuru zatsugaku benri-chō* [Web knowledge and convenience book on words]. Retrieved August 28, 2024 from <<https://kotonohaweb.net/5-kanji-jyukugo/2/>>. (In Japanese).
- Kugatsu Kōchō Blog. 9-gatsu kōchō burogu / Rōka kōman'i [September Principal's Blog: “Handling Flowers, Clothes Filled with Fragrance”]. Retrieved August 11, 2024 from <<https://nittai-ebara.jp/7915.html>>. (In Japanese).
- Miyaji, Y. (1982). *Kan'yōku no Imi to Yōhō* [The Meaning and Usage of Idioms]. Tokyo: Meiji Shoin Press. (In Japanese).
- Shiraishi, D. (1950). *Nihongo no Idiomu* [Japanese Idioms]. Tokyo: Sanseido Press, Kokugo Sōsho series. (In Japanese).
- Shiraishi, D. (1961). *Nihongo no Hassō* [The Conceptual Structure of the Japanese Language]. Tokyo: Tokyodo Press. (In Japanese).